Виктория
Токарева
Этот лучший
из миров
Издательство «Азбука»

Виктория Токарева

Этот лучший из миров (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2001

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Этот лучший из миров (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2001

Почти у каждого человека бывает в жизни главная любовь и несколько не главных. Неглавные – забываются. А главная – остается, но не в чувственной памяти, а в душевной. Память души – не проходит.

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

© Токарева В. С., 2001
© Азбука-Аттикус, 2001

Содержание

Этот лучший из миров 6
Банкетный зал 9
Розовые розы 12
Гладкое личико 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Виктория Токарева
Этот лучший из миров (сборник)

© Токарева В.С., 1998, 1999, 2001
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
® Издательство АЗБУКА

* * *

Этот лучший из миров

Во все времена были оптимисты и пессимисты. Максим Горький, например, утверждал, что человек создан для счастья. А Велимир Хлебников считал, что человек создан для страданий.

То же самое было сто лет назад. Вольтер говорил, что мир ужасен, а его современник философ Лейбниц восклицал: «О! Этот лучший из миров…»

Вольтер считал Лейбница наивным человеком, но прямо об этом говорить стеснялся и высмеивал его через своего героя Кандида.

Кандид был простодушным малым. Всю жизнь он любил некую Кунигунду и всю жизнь за ней гонялся по разным странам, пока не догнал и не женился. А когда его мечта сбылась, он вдруг заподозрил, что раньше было лучше. Осуществленная мечта – уже не мечта.

Кандид заскучал, у него появилась манера уставиться в одну точку и смотреть до тех пор, пока перед глазами не начинало плыть и двоиться. В эти минуты Кандид совершенно забывал, кто он и где находится. Это называется: потеря времени и пространства.

Однажды он смотрел вот так, перед глазами все расползлось, и Кандид отчетливо увидел незнакомый город, большую букву «М» и много народа, который входил под эту букву.

Кандид пошел вместе со всеми и оказался на бегущей вниз лестнице. Кандид догадался, что он умер и его несет вниз, в преисподнюю. И все, кто на лестнице, – тоже умерли, приобщились к большинству и смиренно спускаются в круги ада.

Жизнь Кандида была полна испытаний: он богател и разорялся, был бит и высечен до того, что у него обнажились мышцы и нервы, его обливали дерьмом – и это еще не самое худшее. Но Кандид все-таки любил жизнь и, оказавшись на лестнице, испугался и побежал наверх. Лестница уходила вниз, и получалось, что Кандид перебирает ногами на одном месте. На него не обращали внимания. Люди строго и спокойно смотрели перед собой.

– Стойте! – закричал Кандид. – Разве вам не жаль покидать лучший из миров?

Никто ничего не понял, потому что Кандид кричал на непонятном языке. Люди решили, что это беженец из горячей точки. Сейчас в России много таких горячих точек и много беженцев.

Лестница вынесла людей на твердое пространство.

Из тьмы выкатилось что-то длинное и грохочущее, похожее на железную змею, и люди устремились внутрь, в большие светлые клетки. Кандид вошел вместе со всеми. Люди спокойно уселись по обе стороны и стали читать большие шелестящие листки. Поезд пошел по тоннелю, в конце которого должен быть свет. Все должны предстать перед Создателем, и он начнет сортировать – кого в ад, кого – в рай. Но люди, похоже, ничего не ждали. Все сидели, уставившись в страницы.

– Опомнитесь! – закричал Кандид. – Приготовились ли вы к встрече с Богом?

Люди подняли головы, посмотрели на орущего парня в камзоле и ничего не сказали. Только одна старуха покачала головой.

– Это все Горбачев виноват. Развалил Россию! – закричала старуха.

Она полезла в сумку, достала яблоко и протянула Кандиду.

Изо всех ароматов мира Кандид больше всего любил яблочный аромат. Он надкусил, но ничего не понял. Яблоко ничем не пахло. Тем временем клетка остановилась, двери раскрылись и часть людей вышла из клетки. Остальные остались сидеть. Кандид не знал: оставаться ему или выходить…

Вдруг он замер. Мимо него прошла девушка – пышная и румяная, похожая на Кунигунду тех времен, когда она еще жила в замке барона Тундер-тен-Тронка.

Кандид устремился за ней и попал на лестницу, которая понесла его вверх.

– Какой это город? – спросил Кандид у девушки, похожей на Кунигунду.

– Москва, – ответила девушка. Она была учительницей французского языка и понимала речь Кандида.

– А какой век?

– Двадцатый.

«Сколько же мне лет?» – подумал Кандид. Но сообразил, что он нарушил время и пространство и продолжал быть молодым в новом времени.

Вместе со всеми Кандид вышел в незнакомый город. Дома – непривычно высокие, а улицы – непривычно широкие. Ни карет, ни повозок, ни лошадей – ничего этого не было. По дороге бежали большие железные жуки и сильно воняли. И никому не было стыдно.

– Что это такое? – спросил Кандид, показывая на дорогу.

– Это машины, – ответила учительница. – Средство передвижения.

– Не понял, – сознался Кандид.

– Можно быстро доехать туда, куда надо, – объяснила девушка.

«Вы быстро доедете до своего конца», – подумал Кандид. А вслух сказал:

– Пойдемте со мной.

– Куда?

– В восемнадцатый век. Там лучше. Там едят натуральную еду, яблоки из сада, и дышат чистым воздухом, и много ходят пешком.

Девушка подозревала, что этот парень в камзоле – пьяный актер, который не успел переодеться после спектакля. Актеры всегда пьют, пристают и интересничают.

Девушка решила не продолжать беседу и пошла через дорогу. Кандид какое-то время постоял в нерешительности, а потом устремился на красный свет, наперерез железным жукам. Один из них со скрежетом остановился перед Кандидом, оттуда выскочил сердитый человек и ударил Кандида по лицу. Кандид сделал то же самое: ударил по лицу. Он это умел и всегда испытывал готовность к драке. Человек упал.

Все кончилось тем, что собрались люди. Остановилась машина, похожая на квадратного жука, и Кандида затолкали в темный кузов с решеткой на окне. Он догадался, что это тюрьма на колесах. Там было темно и пахло мочой.

В машине еще кто-то сидел. Привыкнув к темноте, Кандид разглядел молоденькую девушку. Она была пьяная и вполне красивая. Ее открытые ноги бледно белели в темноте.

– Хочешь? – шепотом спросила проститутка. – Только быстренько, и один разочек.

Кандид не понял незнакомый язык.

– А ты отдашь мне свой пиджак, – продолжала девушка. – Это сейчас модно.

Кандид снова не понял.

Девушка подняла юбку. Кандид понял наконец и стал делать то, что она предлагала. Но не быстренько, а долго.

Машина остановилась. Милиционер открыл дверь и увидел голый зад Кандида.

Огрел резиновой палкой. Потом стал вытаскивать Кандида из машины. Девушка успела стащить с него камзол. Кандид в одних панталонах оказался на земле.

– Паспорт есть? – спросил милиционер.

Кандид не понял. Подошел второй милиционер.

– Где живешь? – спросил второй.

– Во Франции, – ответил Кандид.

– А год рождения?

– Восемнадцатый век. – Кандид показал на пальцах.

– Из психушки сбежал, – предположил первый. – Там они все Наполеоны и Бонапарты.

– Веди его в отделение, – сказал второй. – Для выяснения личности…

– Да ну его, возиться с ним, бумаги заполнять…

Первый милиционер – тот, что с дубинкой, дал Кандиду пинок под зад.

– Иди отсюда, мотай, – добавил он.

Кандид хотел вернуть милиционеру несколько пинков, но передумал. Пошел прочь от машины.

Он вышел на широкую улицу. Быстро темнело. В окнах зажглись огни, и дома походили на светящиеся каменные соты. И в них, как пчелы, сидели люди.

Хотелось есть. По улицам в молчании шли люди, никто ни с кем не здоровался.

«Как много людей, – подумал Кандид, – и никто никому не интересен». Болела скула на лице, ныл копчик. Бог возвратил его в этот лучший из миров, но люди грубы.

Вдруг он услышал волчий вой. Кандид двинулся на звук и вышел к зоопарку.

На входе его остановили и потребовали билет. У Кандида было несколько франков, но они остались в камзоле.

Кандид перемахнул через ограду. В прыжке он зацепился за острый конец, и часть его панталон осталась на ограде. А полуголый Кандид оказался в зоопарке. Он пошел мимо клеток, как дикарь.

Волк выл, будто звал. Кандид быстро нашел его и протиснулся в волчью клетку.

– Почему ты плачешь? – спросил Кандид.

– Я пою, – ответил волк. – Я влюблен.

Они говорили на разных языках, но понимали друг друга. Почему-то.

Пришел сторож и кинул в клетку кусок темного вонючего мяса.

– Ты будешь это есть? – удивился Кандид.

– Конечно. И ты будешь это есть.

– Я не буду. Пойдем отсюда. Поохотимся. Поедим свежего мяса.

– Отсюда нельзя уйти, – сказал волк. – Это зоопарк.

– Ну и что? Разве у тебя нет ног? Нет желания?

– Зоопарк – это тюрьма.

– И что же?

– Это значит, ты должен делать то, что хотят другие.

Взошла луна. Было красиво, хоть и жутко.

Волк снова завыл, вернее, запел.

Кандид с отвращением погрузил зубы в мясо.

«Этот мир ужасен, – подумал Кандид. – Вольтер прав…»

Он вдруг вспомнил атласное тело девушки в милицейской машине, добрую руку старухи в метро, взгляд молодой Кунигунды… Все перемешалось в этом лучшем из миров, в этом ужасном из миров. И вовсе не надо дожидаться смерти, все здесь – и рай, и ад…

Кандид прижался к волчьему животу. Стало тепло и безопасно. Он уснул под вой. И ему казалось: так уже было когда-то…

Банкетный зал

Посол Швеции заканчивал свой срок в России и устраивал прощальный прием. Я получила приглашение и решила пойти по двум причинам:

1. Мне были приятны посол и его жена, в них просматривалась гармония богатства и любви.

2. Посольство расположено в ста метрах от моего дома. Перейти дорогу – и ты в чужой стране.

В банкетном зале собрались журналисты, писатели, ученые, политики. Приглашают, как правило, одних и тех же. Выражаясь современным языком – своя тусовка. У западных людей тусовка – чинная, немножко скучная, но все же приятная от красивых интерьеров, изысканной еды, элегантных женщин. Я заметила, что богатство имеет свою энергию. Бедность не имеет энергии, и поэтому человек в бедности быстро устает. Истощается.

Я оказалась за одним столом с политиком Икс.

Любой политик хочет стать президентом, так же как солдат хочет стать генералом. А почему бы и нет? Господин Икс – молод, умен, честолюбив, агрессивен. В нем все нацелено, напряжено и плещет в одну сторону. В политику.

– Скажите, а как вы допустили в свои ряды господина Игрек? – спрашиваю я.

Я называю имя человека, набравшего на последних выборах большинство голосов. Честно сказать, я тогда впервые усомнилась в своем народе, сделавшем такой выбор. А где народный ум? Где народная мудрость, о которой твердили народники и большевики?

– Это вы допустили Игрек, – отвечает Икс.

– Я?!

– Вы. И такие, как вы. Интеллигенция.

Я делаю круглые глаза. Вернее, я ничего не делаю, они сами становятся круглыми.

– Вы не создали нормальной оппозиции президенту, – растолковывает Икс. – А там, где нет нормальной оппозиции, там возникает Игрек.

Я раздумываю. Эта мысль никогда не приходила мне в голову. Интеллигенция действительно любила президента, но ведь «от любви беды не ждешь», как пел Окуджава.

– И все-таки Игрек не должно быть, – говорю я. – Его надо перевести на другую работу.

– На какую?

– В зависимости от того, что он умеет делать.

– Предположим, он уйдет. Но что изменится? Ведь дело не в нем… Представьте себе, что у вас потекла на кухне вода. Набралась полная мойка. А потом вода пошла через край. На пол. Понятно?

– Понятно.

– Так вот, убрать Игрек – это все равно, что вытирать воду на полу. А вода все равно прибывает. Значит, что надо делать?

– Завернуть кран, – говорю я.

– Правильно, – соглашается Икс. – Надо завернуть кран.

– А что есть кран? – спросила я.

В это время к Икс подошел единомышленник, что-то сказал на ухо. Они отошли. Мне показалось, они пошли сколачивать оппозицию президенту.

Но ведь оппозиция есть. Они орут в телевизоре. И, пользуясь выражением Юрия Карякина, у них «такие рожи». У них на рожах все написано. Чем такая оппозиция, лучше никакой.

Напротив меня сидит известный писатель. Ест. Его тарелка, вернее, содержимое тарелки, напоминает миниатюрный стог сена. Одно навалено на другое. И много. Рядом

сидит посол иностранной державы. На его тарелке изящный натюрморт: веточка петрушки, звездочка морковки, в середине – листик мяса. Может, рыба. Но это отдельная тема.

– Послушай, – спросила я у Писателя. – Что есть кран?

– Какой кран?

Я пересказала разговор с Икс. Писатель выслушал.

– А зачем это тебе? – спросил он. – Пишешь и пиши. Писатель должен писать, независимо от времени, от географии и всей этой ерунды.

– Это не ерунда, – сказала я. – Это наша жизнь.

– Нельзя долго болеть. Надо или умирать, или выздоравливать.

– Ты о чем? – не поняла я.

– Обо всем этом. Об Иксах, Игреках и Зетах. Пусть делают что хотят. Надоело.

Писатель посмотрел на меня глазами свежемороженой рыбы. Они не выражали ничего.

Я поднялась и вышла в сад. Из сада был виден мой дом. Но мой дом находился в России, а здесь я была за границей. В Швеции. Это ощущалось во всем, даже в зеленой травке под ногами. Она росла не кое-как, она была густо посеяна, потом подстрижена и напоминала зеленый ковер.

Ко мне приблизился Журналист с бокалом. Он работает по совместительству светским львом. Куда бы я ни пришла, везде он с бокалом и шейным платком вместо галстука.

– Хочешь, я сознаюсь тебе в одной тайне?

Я ждала.

– Ненавижу журналистов и жидов, – открыл он свою тайну.

– Но, по-моему, ты и первое, и второе, – удивилась я.

– Ничего подобного. Я крещеный.

– А что это меняет?

– Национальность – это язык, культура и воспитание. Мой язык и моя культура – русские. Значит, я русский человек. А химический состав крови у всех одинаковый.

Он был возбужден. От него пахло третьим днем запоя.

Я подумала: иудейский Вседержитель строг до аскетизма, ничего лишнего не позволяет. А православие разрешает грешить и каяться. Журналист активно грешит и кается в своих статьях. Он пишет о себе: я плохой, очень плохой, отвратительный. Но за этим просматривается: я хороший, я очень хороший. Я просто замечательный…

Я приготовилась спросить у него: что есть кран, и даже начала пересказывать свою беседу с Икс. Но в это время в конце зала появилась официантка с подносом. На подносе, играя всеми цветами, стояли напитки: золотистое виски, рубиновое куантро, чистая голубоватая водка. Журналист устремил свой взгляд на все это великолепие и пошел по направлению взгляда. Остальные темы его волновали много меньше.

Подошел известный Скульптор. Он был высокий, что немаловажно.

Так приятно разговаривать с мужчиной, глядя снизу вверх. Так надоело разговаривать на равных. Я – антифеминистка.

Скульптор стал рассказывать, что собирается создать памятник крупному полководцу.

– А какой он был? – спросила я.

– А вы не знаете?

– Знаю. Но мне интересно ваше видение.

– Русский мужик.

– А еще? – спросила я.

– А что может быть еще? – удивился Скульптор.

– Понятно… – сказала я.

– Что вам понятно? – Скульптор напрягся, как зонтик.

Подошла официантка, предложила спиртное. Я выпила кампари, после чего мир стал прекрасен и располагал к откровенности.

– Что вам понятно? – переспросил Скульптор.

– То, что вы трехнуты на русской идее.

Трехнуты – значит сдвинуты и ушиблены одновременно.

– А вы на чем трехнуты? – настороженно поинтересовался Скульптор.

– На качестве труда, – сказала я и простодушно поглядела на Скульптора снизу вверх. Он был хоть и трехнутый, но красивый.

Скульптор почему-то обиделся и отошел.

Прием подходил к концу. Гости прощались с послом и его женой. Она выслушивала теплые слова и широко улыбалась. А посол не улыбался широко. Чуть-чуть… У него характер такой. Народу было много, человек сто. И каждому досталось от ее широкой улыбки и от его чуть-чуть.

Я подошла к Режиссеру.

– Ты на машине? – спросил он.

– Нет. Я рядом живу.

Мы вышли из посольства. Перед домом на площадке стояли длинные черные машины. По громкоговорителю объявляли: «Послу Голландии – машину!» И одна из длинных машин, как корабль, плавно причаливала к самому подъезду.

– А ты пешком идешь… – сказала я Режиссеру.

Я знала Режиссера давно. Он руководил студенческим театром, был худой и влюбчивый. Теперь у него свой театр. Он не худой и влюбчивый. Что-то изменилось, что-то осталось по-прежнему. Он по-прежнему много и хорошо работает. У него по-прежнему нет денег. Только слава.

– Это верно, – подтвердил Режиссер. – Пешком иду.

– А ты бы хотел машину с шофером?

Я имела в виду положение, дающее машину с шофером и громкоговорителем.

– А зачем? – искренне удивился Режиссер. – Пройтись пешком, на ходу придумать сцену. Потом поставить. Разве это не самое интересное?

Что есть кран? У каждого свой. У Режиссера – театр. У господина Икс – власть. У Журналиста – водка. У Скульптора – идея. У Писателя – никакой идеи. Его накрыло одеялом равнодушия.

А дальше приходит вечность и перекрывает главный кран.

Мы прощаемся. Я иду к дому. Перед домом разрыли траншею, оттуда идет пар. Чинят трубу с горячей водой. Хорошо бы зарыли обратно…

Это было год назад. Траншею зарыли. По ней много воды утекло. Сейчас – другая жизнь. Другие проблемы. И посол другой. Я его не знаю.

Розовые розы

Она была маленького роста. Карманная женщина. Маленькая, худенькая и довольно страшненькая. Но красота – дело относительное. В ее подвижном личике было столько ума, искренности, непреходящего детства, что это мирило с неправильными чертами. Да и что такое правильные? Кто мерил? Кто устанавливал?

Ее всю жизнь звали Лилек. В детстве и отрочестве быть Лильком нормально. Но вот уже зрелость и перезрелость, и пора документы на пенсию собирать, – а она все Лилек. Так сложилось. Маленькая собачка до старости щенок.

Лильку казалось, что она никогда не постареет. Все постареют, а она нет. Но… Отдельного закона природа не придумала. У природы нет исключений из правила. Как у всех, так и у нее. Постарела Лилек, как все люди, к пятидесяти пяти годам. Она не стала толстой, и морщины не особенно бороздили лицо, однако возраст все равно проступал.

Человек живет по заданной программе: столько лет на молодость, столько на зрелость, столько на старость. В определенный срок включаются часы смерти. Природа изымает данный экземпляр и запускает новый. Вот и все.

Пятьдесят пять лет – это юность старости. Лилек – юная старуха. Ее день рождения приходился на двадцатое ноября. Скорпион на излете. Но он и на излете – скорпион. Лилек всю жизнь была очень гордой. Могла сделать себе назло, только бы не унизиться. Но сделать себе назло – это и есть скорпион.

Двадцатого ноября, в свой день рождения, Лилек проснулась, как всегда, в девять утра и, едва раскрыв глаза, включила телевизор. В девять часов показывали новости. Надо было узнать: кого сняли, кого назначили, кого убили и какой нынче курс доллара. Все менялось каждый день. Каждый день снимали и убивали и показывали лужу крови рядом с трупом. Средний возраст убитых – тридцать пять лет. Причина всегда одна – деньги. Было совершенно непонятно, как можно из-за денег терять жизнь. Разве жизнь меньше денег?

Лилек догадывалась, что деньги – это не только бумажки, это азарт, цель. А цель иногда бывает дороже жизни. Но все равно глупо. Цель можно изменить, а жизнь – не повторишь.

Лилек смотрела телевизор. Муж шуршал за стеной. Он сам готовил себе завтрак, ел и уходил на работу.

Муж был юрист, и в последние десять лет его специальность оказалась востребованной. А двадцать пять советских лет, четверть века, он просидел в юридической консультации на зарплате в сто двадцать рублей и почти выродился как личность и как мужчина. Лилек привыкла его не замечать.

Сейчас она бы его заметила, но уже он не хотел ее замечать. Отвык. Можно жить и без любви, но иногда накатывала такая тоска – тяжелая, как волна из невыплаканных слез, и казалось: лучше не жить. Но Лилек – не сумасшедшая. Это только сумасшедшие или фанатики вроде курдов сжигают себя, облив бензином. Фанатизм и бескультурье рядом. Чем культурнее нация, тем выше цена человеческой жизни.

Лилек – вполне культурный человек. Врач в престижной клинике. Но престижность не отражалась на зарплате. Платили мало, даже стыдно сказать сколько. На еду хватало, все остальное – мимо. Где-то она слышала выражение: «Пролетела, как фанера над Парижем». Почему фанера и почему над Парижем? Куда она летела? Но тем не менее ее жизнь пролетела, как фанера над Парижем. Никакого здоровья, никакой любви. Только работа и книги. Тоже немало, между прочим. У других и этого нет.

Из классики больше всего любила Чехова – его творчество и его жизнь, но женщины Чехова Лильку не нравились: Лика глупая, Книппер умная, но неприятная. Возможно, она ревновала. Лильку казалось, что она больше бы подошла Антону Чехову. С ней он бы

не умер. Ах, какой бы женой была Лилек… Но они не совпали во времени. Чехов умер в 1904 году, а Лилек родилась в сорок четвертом. Сорок лет их разделяло плюс двадцать на взрастание, итого шестьдесят лет. Это много или мало?

Муж ушел на работу. Не поздравил, забыл. Ну и пусть. Она и сама забыла. Да и что за радость – 55 лет – пенсионный возраст.

Лилек пока еще работает, но молодые подпирают. Среди молодых есть талантливые, продвинутые. Но их мало. Единицы.

Российская медицина существует на уровне отдельных имен. Западная медицина – на уровне клиник. У нас – рулетка: то ли повезет, то ли нет. У них гарантия. В этом разница.

Сегодня у Лилька отгул после дежурства. Отгул и день рождения. Можно никуда не торопиться, послушать, как время шелестит секундами.

Посмотрела «Новости», утренний выпуск. Потом кино – мексиканский сериал. Действие двигалось медленно – практически не двигалось, поскольку авторам надо было растянуть бодягу на двести серий.

Серия подходила к концу, когда раздался звонок в дверь. «Кто бы это?» – подумала Лилек и пошла открывать – как была, в ночной рубашке. В конце концов, рубашка длинная, скромная. В конце концов – она дома.

Лилек открыла дверь и увидела на уровне глаз розовые розы, большой роскошный букет сильных и красивых цветов. Тугие бутоны на длинных толстых стеблях – должно быть, болгарские. Такие у нас не растут. За букетом стоял невысокий блондин с плитами молодого румянца на щеках. Лицо простодушное, дураковатое, как у скомороха.

– Это вам, – сказал скоморох и протянул букет.

– А вы кто? – не поняла Лилек.

У нее мелькнула мысль, что цветы от благодарного пациента… Но откуда пациенту известен адрес и повод: день рождения. К тому же пациенты – как их называют, «контингент», партийная элита на пенсии – народ не сентиментальный и цветов не дарят.

– Я посыльный из магазина, – объяснил скоморох.

– А от кого?

– В букете должна быть визитка.

Лилек осмотрела цветы, никакой визитки не было. От букета исходил непередаваемый розовый аромат. Запах богов. Так пахнет счастье.

– Нет ничего, – поделилась Лилек. – Вы, наверное, перепутали…

Скоморох достал одной рукой маленький блокнот, прочитал фамилию и адрес. Все совпадало.

Лильку ничего не оставалось как принять букет.

– А от кого? – переспросила она.

– Значит, сюрприз, – ответил посыльный и улыбнулся.

Улыбка у него была хорошая, рубашка голубая и свежая, и весь он был ясный, незамысловатый, молодой, как утро.

– Проходите, – пригласила Лилек.

Парень ступил в прихожую. Лилек прошла на кухню, освободила руки от цветов. Стала искать кошелек, чтобы поблагодарить посыльного. Но кошелька не оказалось на положенном месте. Она пошарила по карманам и нашла пристойную купюру: не много и не мало.

Посыльный ждал, озираясь по сторонам. Должно быть, смущался.

Получив чаевые, он попрощался и ушел. А Лилек вернулась к цветам. Стала обрабатывать стебли, чтобы цветы дольше стояли. Налила воду, бросила туда таблетку аспирина. Совместила банку, воду и розы.

Боже мой… Вот так среди осенней хляби и предчувствия зимы – маленький салют, букет роз. Но кто? Кто выбирал этот цвет? Кто платил такие деньги? И кому это вообще пришло в голову? Кто оказался способен на такой жест?

Контингент – не в счет. Бывшие политики, как стареющие звезды, никак не могут поверить в то, что они – бывшие. И все розы – им.

Кто еще? Антон Павлович Чехов? Но он умер в 1904 году.

Может быть, Женька Чижик? Первая любовь, которая не ржавеет…

Все-таки ржавеет. Более того, ничто так не ржавеет, как первая любовь.

Лилек и Женька вместе учились в медицинском. Но Лилек – терапевт, а Женька – ухо, горло, нос. Он был красивый и сексуально активный. Его звали: «в ухо, в горло, в нос»…

Они сошлись на почве активности и духовности. Лилек была влюблена в Чехова, а Женька в Достоевского. Он все-все-все знал про Достоевского: что он ел, чем болел, почему любил Аполлинарию Суслову, а женился на скромной Анне… Потому что одних любят, а на других женятся.

На Лильке он женился по этому же принципу. Любил высокую, независимую Лидку Братееву, которая переспала с половиной студенческого и профессорского состава. А может, и со всеми. При этом инициатива принадлежала Лидке. Она приходила и брала. Те, кто послабей, – убегали и прятались. Но Лидка находила и выволакивала на свет. Такой был характер. Она жила по принципу: бей сороку, бей ворону, руку набьешь – сокола убьешь.

Так и вышло. Ей достался вполне сокол, она вышла за него замуж и на какое-то время притихла. Но потом принялась за старое. Распущенность, возведенная в привычку, – это ее стиль. Ей нравился риск, состояние полета. А за кем летать – за вороном или соколом – какая разница.

Женька женился назло, и долгое время путал их имена. Лиля и Лида – рядом.

Лилек ненавидела Лидку – в принципе и в мелочах. Ей был ненавистен принцип ее жизни, нарушение восьми заповедей из десяти. И ненавистно лицо: лоб в два пальца, как у обезьяны гиббон, и манера хохотать – победная и непристойная. Как будто Лидка громко пукнула, огляделась по сторонам и расхохоталась.

Но основная причина ненависти – Женька. Он без конца говорил о ней, кляня. Он был несвободен от нее, как Достоевский от Аполлинарии Сусловой. И оба спасались женами. Женька погружался в Лилька, зажмуривался и представлял себе ТУ. Мстил Лидке. Лилек была инструментом мести.

Но время работало на Лилька. Та плохая, а Лилек хорошая и рядом.

Они вместе учились, вместе ели и спали, вместе ездили на юг, – тогда еще у России был юг. И все бы ничего, но… Женькина мамаша.

Мамаша считала брак сына мезальянсом. Женька – почти красавец, умница, из хорошей семьи. Лилек – провинциалка, почти уродка. Мамаша просто кипела от такой жизненной несправедливости и была похожа на кипящий чайник, – страшно подойти.

Жили у Женьки. Лилек привезла с собой кошку, тоже не из красавиц. У кошки, видимо, была родовая травма, рот съехал набок, как у инсультников. Она криво мяукала и криво ела.

И вот эта пара страшненьких – девушка и кошка – обожали друг друга нечеловеческой любовью, а может, как раз человеческой – идеальной и бескорыстной. Иногда у Лилька случался радикулит, кошка разбегалась и вскакивала ей на поясницу, обнимала лапами. Повисала. Грела поясницу своим теплым животом. И проходило. От живого существа шли мощные токи любви – получалась своеобразная физиотерапия.

Лилек волновалась, что кошка выпадет из окна, – мамаша постоянно раскрывала окно настежь. Лилек навесила специальный крючок, который ограничивал щель до десяти сантиметров. Воздуха хватало, и никакого риска. Кошка скучала по воле. Она вскакивала на подоконник, втискивала в щель свой бок с откинутой лапой и так гуляла. Однажды в ее лапу

залетела птица. Так что можно сказать, кошка охотилась, а значит, жила полноценной жизнью. Лилек не охотилась, но тоже жила вполне полноценно.

Она любила своего Женьку, ей нравилось быть с ним наедине и на людях. Она им гордилась и любила показывать окружающим. Почти в каждых глазах она читала легкое удивление: Лилек – недомерок, а Женя – американ бой… Многие молодые женщины кокетничали с ним на глазах у Лилька, так как Женька казался легкой добычей. Каждая думала: если он польстился на такую каракатицу, то уж за мной побежит, писая от счастья горячим кипятком. Но это было большое заблуждение. Единственный человек, за которым он бежал бы, – Лидка Братеева.

Однажды Лилек и Женька отправились в театр и встретили там Братееву со своим соколом. Поздоровались. Лидка оглядела принаряженного Лилька, усмехнулась. В ее ухмылке было много граней, и все эти грани процарапали Женькино сердце.

Женька весь спектакль просидел бледный и подавленный. Молчал всю дорогу домой. А Лилька и вовсе тошнило. Она была беременной на третьем месяце.

Беременность протекала тяжело, токсикоз, мутило от запахов. Ей казалось, что от Женьки пахнет моченым горохом. Она постоянно отворачивалась, чтобы не попасть в струю его дыхания. В этот же период поднялась неприязнь к Достоевскому – эпилептик, больной и нервный. Волосы вечно гладкие, блестящие, будто намазаны подсолнечным маслом. Непонятно, что в нем нашла Аполлинария Суслова…

Чехов – совсем другое дело. Чехов – как Иисус – учил, терпел, был распят туберкулезом, его не понимали современники, критика упрекала за «мелкотемье». Но Иисус Христос никогда не улыбался, мрачный был парень. А Антон Чехов – шутил, и его юмор был тонкий, мягкий, еле слышный, погруженный глубоко, но слышный для посвященных. Для тех, кто с ним на одной волне.

Неприятие Достоевского явилось началом неприятия Женьки.

Женькина мамаша не советовала рожать, приводила убедительные аргументы. Лилек послушалась и сделала аборт, хотя все сроки прошли.

Почему Лилек послушалась? Где была ее голова? В молодости не хватает опыта, требуется совет старших. Совет был дан неправильный.

Вопрос: а где были родители Лилька? В другом городе, маленьком и провинциальном. Лильку казалось тогда, что ее родители тоже маленькие и провинциальные. Ничего не понимают.

И еще одна причина – гордость – знак скорпиона. Чтобы не унизиться, готова укусить сама себя. Так оно и вышло. Лилек ужалила сама себя. Ребенок мог бы развернуть всю ситуацию на 180 градусов. Женькина мамаша непременно бы влюбилась во внука или внучку и из чайника ненависти превратилась бы в чайник любви. Этот новый человек всех бы объединил, включая кошку. И настала бы всеобщая гармония, когда все нужны всем. А так – никто не нужен никому.

Женька стал реагировать на кокетство чужих женщин. У него стали формироваться левые романы в присутствии Лилька.

Лилек боролась за свое счастье как могла – купила шляпку. Лильку шли маленькие беретики, а эта шляпа только подчеркнула ее внешнюю несостоятельность.

– Ну как? – неосмотрительно спросила Лилек.

Женька ничего не сказал. Усмехнулся, как Братеева. Это было прямое предательство.

Сработал скорпион. Лилек взяла книжку, кошку и ушла. Куда? А никуда. Сначала к подруге. Потом сняла комнату. А потом…

Об этом «потом» следует поговорить подробнее.

Потом Лилек обратилась к юристу и отсудила у Женьки с мамашей площадь. Им пришлось разменивать свою квартиру на меньшую плюс комната. Вот так. Это был ее ответ.

Из жертвы Лилек превратилась в народного мстителя, и весь суд был на ее стороне. Скорпион жалил не себя, а врага. Лилек мстила за поруганную веру, надежду и любовь.

Когда женщина мстит – здравый смысл умолкает. Самое правильное, что может сделать мужчина, – это уносить ноги не раздумывая.

Женька Чижик не ожидал такого развития событий. Он считал, что все зависит от него, и даже пытался помириться. Но Лилек уже спала с юристом Леней Блохиным, в той самой комнате, которую они вместе отсудили. Лилек пошла на эту связь Женьке НАЗЛО. А Леня просто подчинился. Потом он втянулся в Лилька, как в черное кофе. Вроде невкусно, но если привыкнешь – ничем не заменишь. Малая наркомания.

Лилек взяла своего юриста – нагло, как Братеева. И оказалось, что Леня этому очень рад. Лилек сообразила, что мужчины на самом деле – слабый пол. И бывают довольны, когда женщины проявляют инициативу и сами все решают.

Леня – москвич, тоже с мамашей и прочими родственниками. Но на его территорию Лилек не ступала и с мамашей не знакомилась. Хватит с нее мамаш.

Они познакомились на свадьбе. Мамашу звали Ванда, хоть и не полька. Явно не полька.

Ванда доброжелательна и терпима – это и есть интеллигентность. Воспитать эти качества невозможно, с ними надо родиться, получить с генами.

Ванда отметила, конечно, что Лилек – не из красавиц, но это и хорошо. Спокойно. Меньше соблазна, а значит, крепче семья. А крепкая семья – это самая большая человеческая ценность.

На свадьбе Леня напился и в конце – заснул прямо за столом. Лилек везла его на стуле до кровати, а потом снимала ботинки и в этот момент любила пронзительно, до холодка под ложечкой.

Первое время они старались не разлучаться и даже спали, взявшись за руки. Так длилось долго, несколько лет. Но…

У Лилька было одно неудобное качество: желание объять необъятное. То, что шло в руки, – было уже в руках. Это уже неинтересно. Интересно, а что там… за поворотом. Хотелось заглянуть за поворот. И она заглядывала.

Лилек пошла лицом в отца. Мать говорила: не удалась. А первая свекровь произносила: «не красива», с ударением на последнем «а». Аристократка сраная.

Лилек всю дальнейшую жизнь пыталась доказать: удалась и красива. Она доказывала это другим и себе. Имея весьма скромные внешние данные, она существовала как красавица. Ну, пусть не красавица… Но эмоций – полноводная река. Выбор – большой: врачи, пациенты, родственники пациентов. Привилегированная среда. А если выражаться языком орнитологов – элитарные самцы.

Лилек была открыта для любви и сама влюблялась на разрыв аорты. Начинался сумасшедший дом, душа рвалась на части.

Леня тем временем жил свою жизнь: уходил на работу и возвращался с работы. Кого-то защищал, выигрывал процессы, копался в юридических кадастрах – она в этом ничего не понимала. Основные его дела – раздел имущества, и Леня не переставал удивляться человеческой низости. Люди готовы были убить друг друга из-за клочка земли. Инстинкт «мое» оказывался доминирующим.

Несколько раз Леня являлся с синяком на губе, кто-то высасывал его из семьи. Но Леня держался. Почему? Непонятно. Лилек для всех была ангел-спаситель, кроме собственного мужа.

Иногда в доме раздавались немые звонки. Звонили и молчали. Лилек догадывалась, что это претендентки на Леню. Где он их брал? Наверное, в юридической консультации. Лилек злилась, но молчала, поскольку претендентки вели себя прилично, не грубили по телефону и не приходили на дом. А потом и вовсе куда-то исчезали. Растворялись в пространстве.

Леня неизменно возвращался с работы. Совал ноги в тапки. Ужинал – как правило, это было мясо с жареной картошкой. Потом садился в кресло и просматривал газеты. Затем включал телевизор и ревниво смотрел – что творится в мире. В мире творилось такое, что интереснее любого детектива.

Детей не было, но Леня и не хотел. Он умел любить только себя, свой покой и свои привычки. А дети выжирают жизнь, хоть и являются ее смыслом. Какой-то странный смысл получается: жить ради другого. А ты сам? Разве не логичнее жить свою жизнь для себя…

Лилек хотела ребенка, готова была родить от кого угодно, но… как говорит пословица: «Бодливой корове бог рогов не дает».

Лилек во всем винила свою первую свекровь и ненавидела ее со всей яростью скорпиона. Со временем первая свекровь умерла, но Лилек ненавидела ее за гробом. Бедная старуха Чижик, должно быть, переворачивалась в гробу.

Женька Чижик, как она слышала, несколько раз женился и разводился. У него не складывалось. Видимо, его браки совершались на земле. В районных загсах. А брак Лилька и Лени – стоял и даже не качался. Значит, был заключен на небесах.

Жизнь манила и звала. Было интересно заглянуть за поворот. За поворотом, как правило, оказывалось либо чужое, не твое, либо негодное к употреблению, как поддельная водка. Чужое – значит красть. Поддельное – значит отравиться.

Лилек, случалось, крала и блевала. А потом все вставало на свои места. Чужое – на место. Порченое – забыть. Сама – в работу.

В работе Лилек избавлялась от комплекса неполноценности.

Если разобраться, то мужчины в ее жизни тоже возникали от комплекса неполноценности. Комплексы есть даже у красавиц. Людьми вообще движут комплексы. И президенты скорее всего имеют комплексы и поэтому становятся президентами. Либо их жены имеют комплексы и делают своих мужей президентами. Комплексы – это те дрожжи, которые движут миром.

Существует власть талантом, власть красотой, просто власть. Но если нет таланта, красоты и власти, то есть маленькая личная власть над одним человеком.

Именно поэтому Лилек хваталась за чужое и порченое. Она хотела иметь маленькую личную власть.

Но основная ее свобода – в работе.

Когда она погружалась в историю болезни, то начинала видеть больного изнутри, как будто сама плыла по кровеносному руслу и заплывала в жизненно важные органы. И вот тогда приходила власть над жизнью человека, и можно почувствовать себя немножко богом.

Лилек давно поняла, что человек роет себе могилу зубами. Неправильно питается.

Человек – машина. Главное – бензин и профилактика. Не надо запускать внутрь вредное горючее, иначе забиваются трубки – сосуды, и мотор выходит из строя. И еще – иммунная система. Если укрепить иммунитет, он сам справится со своими врагами. Сам победит любую инфекцию. Даже рак. Раковые клетки представлялись Лильку одинокими бомжами, которые бродят по организму в поисках жилья, стучатся во все двери. В организме существуют механизмы-замки. Здоровая клетка как бы заглядывает в дверной замок: кто пришел? Свой, чужой? Видит чужого – и не отпирает. Пошел вон. И клетка-бомж снова слоняется в поисках удачи. Но вот у человека стресс, старость, плохая еда, южное солнце – все это сажает иммунную систему. Она садится, как аккумулятор. Механизм-замок не срабатывает, и бомжик – р-раз! И проник. И впустил другого. А дальше – все, как в бандитской группировке. Основная опухоль контролирует кислород. Она питается кислородом. Чтобы победить болезнь, надо блокировать подачу кислорода. Бомжам будет нечего жрать, и опухоль скукожится, завянет.

Лилек была уверена, что лечение рака должно быть очень простым – как все гениальное. Победа близка, стоит только руку протянуть. Лилек протягивала руку к генетикам, даже к колдунам, пытаясь вычленить в их методе рациональное зерно. Очень часто рациональное кроется в иррациональном.

Лилек увлекалась очередной идеей вместе с носителем идеи. Ей начинало казаться, что это ОДНО: идея и ее носитель. А колдуны, между прочим, – тоже мужчины, и современный колдун – это не шаман с бубном и не Гришка Распутин с неряшливой бородой. Это – неординарная личность, владеющая гипнозом, философией и многими знаниями. Эту личность звали Максим.

Лилек тогда совсем сошла с резьбы. Не приходила домой ночевать, объясняя это дежурствами.

Леня пожаловался Ванде. Ванда сказала: – Значит, она не может по-другому.

Ванда уважала Лилька, ее жизнь и даже ее поиск. Лилек, в свою очередь, чтила Ванду: только благородный человек видит благородство в другом.

На склоне лет Ванда жестоко заболела. Лилек кинулась на борьбу за ее жизнь со всей яростью скорпиона. Буквально отбила от рук смерти, жадной до всего живого. Смерть и Лилек вцепились в Ванду с двух сторон. Лилек не отдала. Смерти в конце концов это надоело, и она ушла.

Ванда объявила, что родилась дважды, и отпраздновала второй день рождения. Говорила о Лильке высокие слова. Все прослезились. Но все-таки главное – не Ванда. Ванда – сопутствующая линия. А основная линия в то время – Максим.

Максим работал в районной больнице, сочетал традиционную медицину с нетрадиционной. Он считал: люди заболевают от разлада души с телом. Человека надо настроить, как гитару. Максим подтягивал струны души. Человек начинал звучать чисто. И выздоравливал.

Теория Максима во многом совпадала с теорией Лилька. Она называлась «остановиться, оглянуться»…

Люди больших городов бегут, бегут, протянув руку за ложной целью. Что-то в них рвется, развинчивается, а они все равно бегут, пока не падают. Надо остановиться, оглянуться.

Лилек и Максим познакомились на курсах повышения квалификации. Он был страшненький, но красивый. Лилек что-то почувствовала. Они несколько раз переглянулись, почуяли друг друга, как два волка среди собак. Потом Лилек стала посылать к нему своих больных. А потом…

Почти у каждого человека бывает в жизни главная любовь и несколько не главных. Не главные – забываются. А главная – остается, но не в чувственной памяти, а в душевной. Память души – не проходит. Может быть, и у Максима не прошло. Может быть, эти розы – от него…

Есть выражение: нахлынули воспоминания… На Лилька они не нахлынули. Они всегда были в ней и звучали, как музыка из репродуктора: иногда тише, иногда громче, но всегда…

Максим – вдовец. Жена умерла рано и неожиданно, ни с того ни с сего. Оказывается, у нее была аневризма в мозгу, о которой никто не подозревал. В один прекрасный день аневризма лопнула и убила. Среди бела дня. Жена вела машину, и вдруг милиционер увидел, что машина, как пьяная, движется куда-то вбок.

Милиционер засвистел, и это было последнее, что услышала тридцатипятилетняя женщина.

Дети – маленькие, семь и одиннадцать лет. Никакой родни. Хоть бери и бросай работу. Но работу не оставить. Приходилось оставлять мальчиков. Пару раз они попали в комнату милиции, и женщина-милиционер терпеливо с ними возилась, ожидая прихода отца. Когда

Максим являлся в великом смущении, мальчики не хотели уходить от тети-милиционера. Кончилось тем, что Максим стал скидывать на нее детей, и она – ее звали Зина – перебралась к ним жить.

Зина – лимитчица, приехала в Москву из Читы. Для нее выйти замуж с пропиской – большая удача. Она вышла и прописалась.

В глубине души Зина считала, что сделала Максиму большое одолжение. Он был невидный, маленького росточка, с лысиной в середине головы. Красоты никакой. А у Зины были плечистые кавалеры – сыщики и оперативники. Красавцы, но что толку… Тоже лимитчики без площади и пьющие.

Максим – без вредных привычек, культурный в обхождении. А мальчиков она просто полюбила. Как можно не полюбить маленьких детей-сирот?

Работу Зина бросила. Быт оказался налажен. У нее были вкусные руки. Даже самая простая еда типа жареной картошки выходила из-под ее рук как кулинарный шедевр. Она знала, как порезать, сколько масла, сколько времени без крышки и под крышкой. И еще она знала секрет: порезав картошку, она ее сушила в полотенце, лишала влаги, и только после этого – на раскаленную сковороду Оказывается, на все нужен талант. Даже на картошку Максим возвращался в теплый, ухоженный дом. Мальчики были спокойны и счастливы.

Иногда выходили в гости, но Зине было скучно с друзьями Максима. Говорили о чем-то непонятном, женщины – в брюках, как мужики, и стриженые. У Зины – своя эстетика: волос должно быть много – коса. И грудей много, и зада. Вот тогда это женщина. Зинаиде тоже хотелось принять участие в разговоре, и она рассказывала жуткие истории, как кто-то напился до чертей и повесился в углу, а остальные не заметили и продолжали застолье. Друзья Максима замолкали и не знали, что сказать, как комментировать. Максиму было неловко. Он перестал брать Зину, да и она не стремилась. Ей было гораздо интереснее остаться дома и посмотреть мексиканский сериал.

Первое время Максим с Лильком прятались под покровом ночи, целовались в парадных, как школьники. Лильку в ту пору было за тридцать, большая девочка. Но страсть горела, как факел, загоняла в подъезды. В это время Максим купил машину, стали ездить за город. Гуляли, разговаривали.

Максим рассказал, как однажды привезли рабочего, который упал с восьмого этажа. Было понятно, что его не собрать, но Максим все-таки взялся за операцию, что называется, для очистки совести. Он подшивал на место оторвавшиеся органы, совмещал кости и был готов к тому, что больной умрет на столе. Но не умер. И вдруг через неделю. О Боже… Максим увидел, как он ковылял по коридору, опираясь на костыли. И в этот момент Максим осознал: Бог есть. Он стоит за спиной, как хирургическая сестра.

– А что такое Бог? – спросила Лилек.

– Это любовь.

– А что такое любовь?

– Это резонанс.

– Не поняла.

– Ну… Когда люди вместе молятся, они входят в резонанс и посылают в космос усиленное желание, и оно ловится космосом.

– Значит, Бог – это приемник? – уточнила Лилек.

– Это мировой разум, – поправил Максим.

– А как он выглядит?

– Разве это важно? – отозвался Максим. – В любви человек ближе всего к Богу. Когда человек любит – он в резонансе с Богом.

Лилек подняла голову, увидела верхушки берез. Они качали ветками, как будто тоже входили в резонанс друг с другом и с ней, Лильком. «Я никогда это не забуду», – подумала

Лилек. И в самом деле не забыла: ажурные зеленые ветки, плывущие под ветром, на фоне синего, как кобальт, неба.

Лилек и Максим практически не расставались, вместе ездили в отпуск и ходили в гости. Лилек совершенно не походила на любовницу – маленькая, неяркая, ее никто за любовницу и не принимал. Лилек смотрелась как жена, как соратница, как его ЧАСТЬ. Их уже невозможно было представить отдельно друг от друга.

Юрист Леня существовал где-то за чертой. Его как бы не было, хотя он был.

Лилек стала подумывать о разводе и о новом браке. Хотелось быть вместе всегда, всегда, всегда…

Однажды Максим позвонил и отменил свидание. Он заболел, у него двухстороннее воспаление легких.

Лилек терпела разлуку два дня, а потом не выдержала, взяла с работы белый халат и шапочку и явилась к Максиму на квартиру. Вроде как врач из поликлиники.

Ей открыла Зина. Лилек ступила в сердце семьи.

Квартира была блочная, типовая, с полированной мебелью на тонких ножках. Висел запах тушеного мяса. Клубились двое мальчишек. Младший был похож на принца Чарльза. Лилек вдруг поняла, что Максим тоже похож на принца Чарльза, только меньше ростом и лысый.

Зина – большая, уютная. Две больших груди и большой живот походили на три засаленные подушки. От нее пахло тушеным луком. Она не хотела нравиться и не хотела казаться лучше чем есть. И именно поэтому нравилась.

Зина провела Лилька к больному. Максим засветился лицом и глазами. Зина ничего не заметила, потому что в эту секунду в комнату влетели мальчишки. Один выдирал у другого что-то изо рта.

– Он схватил мою жвачку! – вопил принц Чарльз.

Зина быстро щелкнула им подзатыльники, мальчишки выкатились, шум переместился за стенку. Зина поторопилась к ним, чтобы разобраться и восстановить справедливость. Чувствовалось, что она здесь главная и все держится на ней. Максим – только материально несущая балка.

Лилек молча раскрыла свой чемоданчик, достала горчичники, растирки. Стала, как медсестра, растирать ему спину, чтобы не было застоя. Потом укутала в пуховый платок, который тоже принесла с собой. Укрыла одеялом под горло. И села рядом.

Надо было о чем-то говорить. Максим стал пересказывать интересное исследование о раке, которое он недавно прочел в американском журнале. Статья американского профессора по имени Иуда Форман.

Тема была интересна Лильку, но она слушала невнимательно. Думала о другом. О чем? О том, что она протянула руку к чужому. Воровка. На кого замахнулась? На детей? На Зину, которая батрачит с утра до вечера… Лилек хотела только Максима. Ей казалось: изъять Максима, а все остальное пусть останется по-прежнему. В том-то и дело, что по-прежнему ничего не останется. Все рухнет, потому что они с двух сторон – Максим и Зина – равноценно поддерживают эту конструкцию: семья.

– О чем ты думаешь? – заметил Максим.

– О том, что профессора зовут Иуда, – сказала Лилек. – Я думала, что этим именем никто не пользуется. Оно настолько скомпрометировано…

Заглянула Зина и пригласила Лилька поесть. Максим настаивал. Пришлось согласиться.

И вот они втроем сидят на кухне и едят бефстроганов. Блюдо приготовлено классически, в сметане. Боже, как давно Лилек не ела бефстроганов. Все больше сосиски.

Зина рассказывала жуткую историю о том, как в их районе бандиты приковали к батарее беременную женщину, а сами стали искать ценности и валюту. А потом сообразили, что не туда пришли. Перепутали квартиру.

– И дальше что? – спросила Лилек.

– Ничего. Ушли, – ответила Зина.

История имела счастливый конец. Наручники отстегнули и ушли.

Хеппи-энд. Вкусная еда. Прочность бытия. Так сложилось у Зины и Максима. Хорошо ли, плохо ли, но сложилось и летит, как самодельный летательный аппарат.

Лилек поблагодарила и стала прощаться.

– Заходите, – попросила Зина. – Просто так. В гости.

Она ничего не заподозрила, чистая душа.

Начались страдания. Их любовь стала походить на те самые клетки, которые пожирают кислород из организма. Все это вело к полному краху. И Лилек решила не ждать. Порвать без объяснений. Как будто нырнула на большую глубину. Задыхалась. Всплывала на мгновение – и опять на глубину.

Максим понял. Согласился. Потянулись мучительные дни без него. Потом дни переросли в месяц и в год.

Больше ничего значительного в жизни Лилька так и не случилось. Кроме самой жизни. Постепенно она привыкла к тому, что ничего не происходит. Меняются только больные и времена года. А все остальное остается по-прежнему, и это очень хорошо. Ей нравилось просыпаться и встречать день утром. И провожать его вечером. Она научилась делать бефстроганов по правилам, в сметане. Сверху посыпала травкой, мелко рубила.

Леня приходил с работы, молча ел. Потом садился, читал газету.

Лилек иногда задумывалась: чем жить дальше? Как разнообразить свое существование? Она знала как врач, что старость – это болезнь. Старость надо преодолевать. На это уйдет время. Новая цель – продление жизни. Это ложная цель. Но если разобраться – все цели ложные: любовь, которая все равно кончается. Успех, который не что иное, как самоутверждение.

Лилек решила сделать в квартире ремонт. Друзья порекомендовали армянскую бригаду. Пришли три брата-армянина, в джинсах, худые и смуглые. Не особенно молодые, старшему – пятьдесят, но все-таки молодые, с сединой в густых волосах.

Лилек расцвела, руководила, командовала. Армяне охотно подчинялись, склонив головы, притушив южный блеск глаз. Блеск оказался не столько южный, сколько алчный. Они приехали заработать деньги «на семю» – так они произносили слово «семья». А страшненькая русская интересовала их только как источник дохода. Они быстро поняли, что ее можно раскрутить – то есть взять в два раза больше.

Армяне обманывали Лилька налево и направо. Младший по имени Ашот постоянно что-нибудь выпрашивал: то раскладушку, то одеяло.

Лилек любила быть сильной и благородной. Она все отдавала и любовалась собой.

Ашот рассказывал, что живет в маленьком городе. Единственный культурный центр – базар. Армяне там собираются и проводят время. Работы нет. Страна разрушена. Взрослые мужчины разбрелись кто куда, лишь бы найти работу. Живут бесправно, как рабы. Милиция их отлавливает и штрафует, по сути, грабит. Дома у него жена и трое детей. Жену зовут Изольда. Армяне любят давать экзотические имена. С женой они спят в разных комнатах – так решила жена, потому что он постоянно к ней пристает. Изольда не может заниматься любовью так часто и так много, как он этого хочет. Она слишком устает днем и должна отдохнуть ночью. Но Ашот – натура любвеобильная, его ничего больше в жизни не интересует. Он каждую ночь пытается проникнуть к Изольде, но она ставит в дверях кого-то из детей, чтобы задержать Ашота. Дети дежурят каждую ночь по очереди.

– Ты любишь жену или ты любишь любовь? – спросила Лилек.

– А какая разница? – не понял Ашот.

Он был прост, как молоток, которым забивал гвозди. И Лильку на какое-то время показалось: он прав. Вся эта культура, которую придумало человечество, – надстройка. А базис – сам человек, его биология и инстинкты. Инстинкты вложены в программу и составляют саму жизнь.

Инстинкт продолжения рода – любовь, инстинкт сохранения потомства – чадолюбие. Инстинкт самосохранения – страх смерти. И все, в сущности. А люди выдумывают всякие кружева: культура, архитектура, литература, Чехов, Достоевский, Иуда Форман.

Ашот нравился Лильку за молодость и неравнодушие. Он был на десять лет моложе, но как бы не замечал разницы или притворялся.

Мужчины Лилька – филолог, юрист, хирург – интеллигенция. Но они были в те времена, когда у Лилька была полная колода козырей: молодость, энергия, жизненная жажда. В сущности, полной колоды не было никогда– так, один-два козыря. Но сегодня нет ни одного. Значит, надо понизить критерий. Пусть будет молодой, серый, любвеобильный Ашот.

Он улыбался лучезарно, его светло-карие глаза лучились, и белые зубы тоже лучились.

Лилек не сомневалась, что он влюблен. Она была самоуверенна на свой счет.

Все кончилось очень быстро. Армяне ее обокрали и смылись. Они были даже не особенно виноваты. Лилек никогда не прятала деньги. Кошелек с деньгами всегда лежал в прихожей под зеркалом. И не захочешь, да прихватишь.

Лилек предполагала, что украл средний брат – самый красивый и подлый. Подлость заключалась в том, что он выдавал себя за другого. Был мелкий жулик, а изображал из себя Гамлета.

Украсть мог и старший брат, рукастый и пьющий. Он единственный из троих умел работать.

Лилек не успела понизить критерий, слава богу. Какой это был бы ужас… Она поняла: культура держит человека на поверхности, не дает ему опуститься до воровства. Если бы братья-армяне читали книги, слушали музыку и ходили в театр, то прошли бы мимо чужого кошелька.

Лилек была рада, что Ашот оказался таким ничтожеством, от слова «ничто». Она с легкостью помахала рукой станции по имени «Любовь» и поехала к следующей станции по имени «Старость». Без сожаления, не оборачиваясь.

Она понимала – ничего нельзя повторить. На место Максима могут прийти только Ашоты. Лучше пусть не приходит никто.

По теории относительности время во второй половине жизни течет быстрее. И это правда. Только что было 45, уже 55. Только что было лето, уже зима. А осень где? Проскочила.

Лилек углубилась в свою работу. Потребность в интеллектуальной деятельности была для нее такой же сильной, как потребность в еде. И даже больше. Или на равных. Вернее, так: когда хочешь есть, думаешь только о еде. Но когда сыт – первая потребность в интеллектуальной деятельности.

Розы пришли из ТОП жизни, как воспоминание о мазурке, – есть такое музыкальное произведение.

Но все-таки кто же их прислал? Женька? Простил и прислал. С возрастом многое прощаешь.

«Что пройдет, то будет мило…» И может быть, ему сейчас милы воспоминания их одухотворенной жизни, Чехов – Достоевский, походы в театры, на поэтические вечера. А развод-размен – это всего-навсего гроза. Гроза – это тоже красиво, тем более что она проходит.

Лилек порылась в ящике и нашла старую записную книжку тридцатилетней давности. Там был телефон Женьки от новой квартиры, куда он переехал после размена. Откуда телефон? Лилек что-то у него отбирала, кажется, книги, и преследовала звонками до тех пор, пока он не отдал. Ему было легче отдать, чем противостоять. Лильку эти книги были не нужны, просто ею правило НАЗЛО. Чем хуже, тем лучше.

Лилек набрала номер. Трубку сняла БРАТЕЕВА. Этот голос она узнала бы через тысячу лет из тысячи голосов.

– Да-а-а, – пропела Братеева с длинным сексуальным «а».

«Старая кошелка, – подумала Лилек. – Под шестьдесят, а туда же…»

– Позови Женю, – жестко приказала Лилек.

Ненависть была свежа, как будто вчера расстались. Братеева тут же ее узнала и почувствовала.

– А зачем? – спросила она.

С ее точки зрения, Лилек не была нужна Женьке и в двадцать лет, а уж теперь и подавно.

– Это я ему скажу…

Братеева громко позвала:

– Женя! Тебя твоя жена за номером один…

Значит, были номер два и три. Но в результате они воссоединились. Женя и Лида. Лида бросила сокола, или всю стаю, и пришла к Женьке. Значит, это ЛЮБОВЬ – та самая, прошедшая через испытания…

– Я слушаю, – настороженно отозвался Женька. Он, наверное, решил, что Лилек хочет еще что-то у него отобрать.

– Мне цветы прислали, – деловито произнесла Лилек. – Розовые розы.

Она замолчала.

– И что? – не понял Женька.

– Это не ты прислал? – прямо спросила Лилек.

– Я?? Тебе??

Чувствовалось, что Женька очень удивился. Он относился к человечеству по Достоевскому, то есть не верил ни во что хорошее.

– Ну ладно, пока, – попрощалась Лилек.

Она положила трубку и почему-то не огорчилась. Если Женька счастлив со своей Аполлинарией Сусловой – то пусть. Чем больше счастливых людей, тем благополучнее страна. А стране так не хватает благополучия…

Откуда в Лильке это смирение? А где же скорпион? Значит, и скорпион тоже постарел и перестал быть таким ядовитым.

Откуда же розы? Не Ашот же прислал их на краденые деньги. Он украл на «семью», а не на посторонних женщин, тем более немолодых и некрасивых.

Значит, Максим…

Лилек набрала воздух, как перед погружением на глубину. И позвонила. Этот телефон она помнила наизусть. Эти семь цифр – шифр от главного сейфа, в котором лежала ее любовь.

Трубку взяла Зина. Это был ее голос. Значит, ничего не изменилось. Время плыло над их головами не задевая.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Лилек. – А можно Максима?

– Его нет, – ответила Зина.

– Нет дома или нет в Москве? – уточнила Лилек.

– Нет нигде.

– Он умер? – оторопела Лилек.

– Он женился, – просто сказала Зина.

Лилек молчала. Зина ждала. Потом крикнула:

– Але! – проверила, не сломался ли телефон.

– Давно? – спросила Лилек из пустоты.

– В 85-м году. А это кто?

– Да так. Никто.

Лилек снова замолчала. Значит, она не посмела. А кто-то посмел. И получилось. Лилек тогда кинула себя в жертву. Ушла. Освободила место в его душе. А свято место пусто не бывает.

Женщины могут жить прошлым, а мужчины устроены по-другому. Им надо сегодня и сейчас.

– А дети? – спросила Лилек.

– Старший в Америке. А младший со мной. Значит, Зина не одинока. И Максим не одинок. Все как-то устроились и живут.

А что бы она хотела? Чтобы все страдали по ней, такой неповторимой, рвали на себе волосы, заламывали руки…

Да, хотела бы…

Лилек молчала. Зина терпеливо ждала.

– А вы чего хотите? – проверила Зина. «Чтобы меня любили», – это был бы правильный ответ. Но Лилек сказала:

– Мне сегодня розы прислали. С посыльным. А визитки нет. Я всех знакомых обзваниваю на всякий случай…

– Меняйте замок, – энергично отозвалась Зина. – Это наводчик приходил. Сейчас у воров новая фенька: они сначала наводчика посылают, с цветами. Тот все обсматривает, а на другой день приходят и чистят. Хорошо, если по голове не дадут…

Лилек вспомнила, что Зина любила жуткие истории, и чем жутчее, тем интереснее. Но нехорошее чувство шевельнулось в груди. Она действительно потеряла кошелек, может, вытащили или забыла в магазине. Она вообще все забывает: вещи, имена людей. В кошельке денег было мало, ерунда какая-то, но лежал ключ и квитанция из прачечной. На квитанции адрес. Если есть ключ и адрес, почему бы наводчику не прийти и не посмотреть, что и как.

– А откуда вы это знаете? – уточнила Лилек.

– Так я ж в милиции работаю, у нас в месяц по девять краж.

Значит, Зина вернулась на работу.

– Ну ладно, – проговорила Лилек. – До свидания…

Зина не хотела ее отпускать так быстро и кинулась торопливо рассказывать, что появился новый вид ограбления: в машине. Один жулик вежливо спрашивает, как проехать. И пока ему объясняют, другой в это время тырит сумку. Тот, кто спрашивает, – одет прилично и красивый. Они специально держат для этой цели культурных, в голову не придет, что вор. Внешность – отвлекающий маневр.

Лилек положила трубку. Все!

Тот парень с плитами румянца – наводчик. Лилек вспомнила, как он шил глазами.

И стало так противно, так беспросветно и оскорбительно, как будто в душу наплевали.

Измена и обман! Вот на чем стоит жизнь. Достоевский прав. Чехов говорил, что люди через сто лет будут жить лучше и чище. Прошло сто лет. И что? Хорошо, что Чехов умер в 1904 году и не видел ничего, что стало потом.

Потом пришли бесы. Достоевский оказался пророком. А сейчас или завтра в ее дом явится Раскольников и ударит по голове. Прихлопнет, как муху. Ей много не надо.

Физический страх вполз в душу, как холодная змея, и шевелился там.

А собственно, чего она так боится? Что у нее впереди? Одинокая больная старость. Стоит ли держаться за эту жизнь? Но быть прихлопнутой, как муха… Пасть от руки подонка без морали…

Лилек вспомнила наводчика и подумала: как же ему не стыдно? Но с другой стороны, он – вор. У него профессия такая.

Надо не задаваться интеллигентскими вопросами, а сменить замок.

На войне как на войне.

Возле телефона лежала записная книжка. Лилек раскрыла на букве «ю», против пометки «юридическая консультация». Набрала номер, подумав при этом, что почти никогда не звонила мужу на работу.

Леня отозвался сразу, как будто ждал. Услышал голос жены.

– Поздравляю, – сказал он вместо «здравствуй».

– С чем? – Страх вытеснил из Лилька все остальные реалии.

– С днем рождения, – напомнил Леня.

– А… Лучше скажи – соболезную.

– Вовсе нет. Поздравляю. Желаю. Ты цветы получила?

Лилек споткнулась мыслями.

– Какие цветы? – проверила она.

– Розовые розы.

– Это ты?..

– Здрасьте, – поздоровался Леня. – Проходите…

Видимо, к нему в кабинет вошли.

Лилек положила трубку. Мысли громоздились друг на друга, как вагоны поезда, сошедшего с рельсов.

Леня… Прислал цветы через магазин. Как в кино. А что она дала ему в этой жизни? Себя – страшненькую и неверную. Все, кого она любила, – мучили ее, мызгали и тратили. А Леня собирал. Как? Просто был. И ждал. И ей всегда было куда вернуться.

Почему он выносил эту жизнь без тепла? Потому что их брак оказался заключенным на небесах. И какие бы страсти ни раздирали их союз – ничего не получалось, потому что на земле нельзя разрушить брак, заключенный на небесах.

А возможно, все проще. Леня – верный человек. И Лилек – верный человек, несмотря ни на что. А верность – это тоже талант, и довольно редкий.

Лилек захотела есть и пошла на кухню. Открыла холодильник. Кошелек с деньгами лежал на полке, в том отделе, где хранят яйца. Как он там оказался? Он же не сам туда вскочил? Скорее всего она выгружала продукты из сумки и заодно выгрузила кошелек.

Вечером пришли гости – друзья их молодости и среднего периода. Стол был обильный, хоть и без затей. Еды и выпивки навалом. Лилек опьянела и стала счастливой. Для этого были причины. Во-первых, посыльный – не жулик, и это счастье. Как тяжело разочаровываться в людях и как сладостно восстанавливать доверие.

Во-вторых, на ее столе в стеклянной банке стояли розовые розы неправдоподобной красоты. Сильные перекрещенные стебли просвечивали сквозь стекло. Сверху красота и цветение, а внизу – аскетизм и сила, фундамент красоты. Букет-модерн.

Гости поднимали тост за вечную весну. Лилек усмехалась. Не надо утешений и красивых слов. Она – юная старуха. Впереди у нее юность старости, зрелость старости, а что там дальше – знают только в небесной канцелярии.

Леня напился и стал слабый. Когда все разошлись, он не мог встать с места. Лилек везла его на стуле до кровати, а потом снимала ботинки.

Гладкое личико

У Елены Кудрявцевой образовался любовник на четырнадцать лет моложе. Ей – сорок пять, ему – тридцать один. Она решила сделать подтяжку.

Любовник, его звали Сергей, говорил: «Не надо никакой подтяжки, и так все хорошо».

И в самом деле было все хорошо. Елена выглядела на десять лет моложе своих лет, была изначально красива, похожа на балерину. Время, конечно, поставило свои метки – тут и там. Наметился второй подбородок, помялось в углах глаз – немножко, совсем чуть-чуть… Если бы не молодой любовник, сошло и так. Но…

Елена отправилась на операцию. Ей сделали круговую подтяжку. Операция оказалась нешуточной. Под общим наркозом отслаивали кожу от мышц, потом натягивали. Лишнее срезали. Среди волос над виском побрили дорожку – там резали и шили, чтобы подальше от лица.

После операции лицо вздулось, выползли синяки. Вид был как у алкашки, которую били ногами по лицу.

Елена испугалась, что так будет всегда. Она плакала тихонечко от боли и страха. Но на что ни пойдешь ради любви… И еще ради общественного мнения. Елене казалось, что их разница заметна. Люди смотрят и думают: что за пара? Мама с сыном? Или тетка с племянником?

Хотя если разобраться: что такое общественное мнение? Ничего. О. Б. С. – «Одна баба сказала»… Баба сказала и забыла. А ты стой с лицом, будто покусанным роем пчел. Не говоря о наркозе… Не говоря о деньгах, которые пришлось заплатить за операцию.

Через четыре дня Елена ушла из больницы, повязав голову платочком. А еще через день уехала на дачу, подальше от глаз. К тому же хотелось подышать и прийти в себя после физической агрессии на организм.

На дворе – начало июня. Стучал дятел. Сойки свили гнездо на заборе. Из гнезда торчали разинутые рты прожорливых птенцов. Бедная мамаша-сойка летала туда-сюда, поставляя червяков.

Елена медленно гуляла по своему кусочку леса. И когда оказывалась возле гнезда – сойка буквально пикировала сверху, отгоняла от гнезда. Это было довольно неприятно и опасно. Елена перестала заходить в тот угол своего участка.

На другом краю цвела клубника. Цветки – белые, трогательные, очень простые. Красота в простоте. Сорт назывался «виктория». Ягоды неизменно вызревали крупные, душистые, сладкие – одна к одной. Хоть бери и рисуй.

Елена преподавала русский язык иностранцам – двадцать долларов в час. Но в душе была художницей. Больше всего ей нравилось рисовать, а потом вышивать старинные гобелены. Небольшие, конечно. Маленькие миниатюры.

Елена очень нравилась своим ученикам-иностранцам. Но полюбила она Сережу. Не из патриотических соображений, а так вышло. Судьба подсунула.

Когда-то давно Елена была замужем. У них с мужем родился мальчик с болезнью Дауна. Врачи сказали, что причина болезни – лишняя хромосома. Казалось бы, лучше лишняя, чем не хватает. Но весь человеческий код нарушен. Муж не выдержал постоянного присутствия дауна. Не смог его полюбить. Елена вызвала маму из Сухуми, и они стали жить втроем. Никого в дом не приглашали. Стеснялись и не хотели сочувствия.

Елена любила сына всей душой, но к любви были примешаны боль и отчаяние. Что с ним будет, когда она умрет? Говорят, что такие дети долго не живут. Но и об этом не хотелось думать.

Со временем Елена приспособилась к жизни. Если разобраться – полная семья: она – добытчик. Мать – на хозяйстве. И наивный добрый ребенок, немножко пришелец с другой планеты. И все любят всех. Ко всему – денежная работа, интересное хобби, дружба с женщинами, любовь с мужчинами. Но вот подошло бабье лето, сорок пять лет.

И вместе с годами пришла нежная любовь. Сережа – провинциал. Слаще морковки ничего не ел. Елена казалась ему сказкой наяву. Будто ее не рожала живая женщина, а сам Господь Бог делал по специальным лекалам. Все пропорции идеальны, и ничего лишнего.

И это правда. Но время оставляет свои следы. Эти следы Елена решила убрать. И вот теперь бродит по дачному участку, осторожно ставит ноги: не дай бог споткнуться и грохнуться.

В природе давно не было дождя. Клубника «виктория» задыхалась и жаловалась. Елена взяла лейку, налила в нее воды. Немного, полведра, но все равно тяжесть. Елена стала поливать свою клубнику, чуть согнувшись. И вдруг услышала легкий треск в районе виска. Было впечатление, что лопнула нитка. И потекла горячая струя.

Елена сообразила, что от напряжения лопнул какой-то большой сосуд, височная вена, например. И кровь потекла в карман между кожей и мышцами. Так оно и оказалось. Во время подтяжки врач слегка задел крупный сосуд и тут же зашил. А сейчас при нагрузке шов оказался несостоятельным. Это называется послеоперационное осложнение.

Первая мысль, которая мелькнула: как же сын? Как они проживут без нее? Никак. Она не должна умереть. Ей нельзя.

Карман наполнялся кровью. Щека раздувалась, и казалось, что кожа сейчас треснет.

Телефона на даче не было. Дача – сильно сказано, просто скромный садовый домик в шестидесяти километрах от города. Елена поняла, что умирает. Сейчас кровь вытечет – и все. Так кончают с собой, когда режут вены у запястья. А не все ли равно, где вене быть перерезанной – у запястья или у виска.

Елена сообразила: надо, чтобы ее кто-то увидел. Она вышла за калитку. В то время мимо проходила соседка Нина Александровна, восьмидесяти четырех лет. Она жила здесь летом со своей старшей сестрой. Сестрички-долгожительницы.

– Вызовите мне скорую помощь, – тихо прошелестела Елена.

Слава богу, Нина Александровна не была глухой. Кричать бы Елена не смогла.

– Что с вами? – удивилась соседка, увидев неестественно раздутую щеку, величиной с маленькую подушку.

– Скорую… – повторила Елена.

В этот момент у нее лопнул шов на коже и часть крови рухнула на плечо. Стало легче. Но очень страшно от такого количества собственной крови.

Соседка остолбенела, не могла двинуться с места.

– Идите… – проговорила Елена.

– Да, да… Я сейчас дойду до конторы и позвоню…

Если бы Нина Александровна могла бегать, то она бы побежала. Но она могла только идти медленно, как гусь. Она двинулась к конторе, но вспомнила, что сестра ждет ее к обеду. Она решила прежде предупредить сестру, а потом уже отправиться в контору, которая находилась на расстоянии в полтора километра при въезде в поселок.

Нина Александровна страдала ишемией сердца и артрозом коленного сустава. Идти было тяжело. Но она все же дошла и позвонила, и растолковала: куда ехать, где свернуть и какой номер дома.

Скорая прибыла через два часа. Елена была жива, но лицо имело цвет снятого молока. Волосы слиплись скользкой коркой. Плечо и грудь в крови, будто ее убивали.

Врач – крепкий мужик лет пятидесяти – решил, что у нее пробита сонная артерия.

– Лежите, – приказал он. – Не двигайтесь. Вы можете умереть.

Он взял полотенце и стал заматывать, чтобы пережать сосуды.

– Кто это вас? – спросил врач.

– Никто. Я недавно делала пластическую операцию.

– Зачем?

– Чтобы хорошо выглядеть.

– Будете хорошо выглядеть в гробу, – буркнул врач.

Вошел санитар. Они уложили Елену на носилки и перенесли в машину. Ей больше не было страшно. Она понимала, что ее спасут. Сознание немножко путалось, но было при ней. «Только бы не потерять сознание», – подумала Елена и куда-то провалилась.

Очнулась на операционном столе. Над ней стоял врач, но не из скорой помощи, а другой – молодой и мускулистый, с серыми глазами. Они о чем-то переговаривались с медицинской сестрой. Полотенце сняли с головы, и горячая кровь изливалась редкими толчками.

– Зашейте мне сосуд, – проговорила Елена.

– Проплачивать будете? – спросил врач.

– Что проплачивать? – не поняла Елена.

– Все. Бинты. Манипуляцию.

– Я же умираю… – слабо удивилась Елена.

– Финансирование нулевое, – объяснил врач. – У нас ничего нет.

– Но руки у вас есть?

– А что руки? Все стоит денег.

– У меня кошелек в сумке. Я не знаю, сколько там. Возьмите все.

– Я в кошелек не полезу, – сказал врач, обращаясь к медицинской сестре: – Посмотри ты.

– Я тоже не полезу, – отказалась сестра.

Елена заплакала, в первый раз. Она поняла, что ее ничто не спасет. Последняя кровь уходила из нее. А у этих двоих нет совести. Им плевать: умрет она или нет. Им важны только деньги.

Большая часть ее жизни пришлась на советский период. И там, в Совке, ее бы спасли. Там все работало. Работала система, и были бинты и совесть. А сейчас система рухнула, и вместе с ней рухнула мораль. Если человек верил в Бога, то ориентировался на заповеди.

А если нет, как этот врач, – значит, никаких ориентиров. И придется умирать.

Слеза пошла к виску, вымывая себе дорожку. И в это время отворилась дверь, и вбежал Сережа. Видимо, Нина Александровна позвонила не только в скорую помощь, но и Елене домой, сообщила маме. А мама – Сереже. И вот он здесь.

Через минуту появилась капельница, хирургическая медсестра в голубом халате, а мускулистый хирург мыл руки для операции. Сережа все проплатил. В твердой валюте. Он был «новый русский» – молодой и богатый.

Через месяц Елена собирала клубнику «виктория» в плетеный туесок. Ягоды – одна к одной. Запах – несравненный. Ничто в природе не пахнет так, как земляника и клубника. В этом запахе – и горечь, и солнечный жар, и аромат земли. Описать невозможно, нечего и стараться.

Елена понюхала. Потом поела, чтобы восстановить гемоглобин. Потом помазала лицо. Через полчаса смыла маску.

Все швы затянулись и привыкли к новому натяжению. Лицо было гладким. Глаза сияли синим. Из глубины зеркала на нее смотрела молодая женщина лет тридцати. Не больше. Ей – тридцать. Сереже – тридцать один. Нормальная разница.

Фигура у Елены всегда была идеальной: ни убавить, ни прибавить. А теперь и лицо – гладенькое, как яичко. На сколько ей хватит такого лица? Лет на десять? А там можно опять подтянуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.